

Детство, опаленное войной. Воспоминания малолетних узников фашизма

12+

Оксана Тарабановская

**Детство, опаленное
войной. Воспоминания
малолетних узников**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Тарабановская О. В.

Детство, опаленное войной. Воспоминания малолетних узников /
О. В. Тарабановская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Издание представляет собой воспоминания малолетних узников фашизма, записанные сотрудниками Центральной библиотеки города Красноармейска Московской области. Дети и война, казалось бы, эти понятия не совместимы. Но, чувствуя ветеранов Великой Отечественной войны, вспоминая с благодарностью их ратные и трудовые подвиги, мы обязательно вспоминаем и тех, кто все ужасы и тяготы войны познал еще ребенком. Война искалечила тысячи детских судеб, отняла светлое и радостное детство. В книге рассказывается не только о тяжелых годах плена, но и том, как сложились жизни этих людей после войны.

© Тарабановская О. В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

И ужасы минувшей той войны
Знакомы мне не только понаслышке:
Кромешный ад, испытанный детьми,
Об этом не прочтешь ни в какой книжке...

Л.Ф.Князева

От составителей

Издание представляет собой воспоминания малолетних узников фашизма, записанные сотрудниками Центральной библиотеки города Красноармейска.

Дети и война, казалось бы, эти понятия не совместимы. Но, чувствуя ветеранов Великой Отечественной войны, вспоминая с благодарностью их ратные и трудовые подвиги, мы обязательно вспоминаем и тех, кто все ужасы и тяготы войны познал еще ребенком. Война искалечила тысячи детских судеб, отняла светлое и радостное детство.

И сейчас, чтобы понять, как это было, стоит почитать воспоминания людей, которые, будучи детьми, прошли концлагеря.

Мы решили рассказать не только о тяжелых годах плена, но и том, как сложились судьбы этих людей после войны. Они жили или живут рядом с нами, храня свои жизненные истории глубоко в сердце. И лишь изредка, со слезами на глазах и трепетом в голосе, позволяют коснуться такой страшной темы как война и плен.

Эти воспоминания очень яркие и эмоциональные, видимо, потому что они принадлежат девочкам. Они в разном возрасте встретили войну, кто-то совсем крохой, кто-то подростком, но в памяти по сей день сохранились пережитые эмоции.

В изложенных воспоминаниях поражает огромная воля к жизни. Несмотря на ужасы, перенесенные в детстве, они выросли достойными людьми, прожили прекрасную жизнь, вырастили и воспитали детей, внуков, правнуков.

С каждым годом свидетелей того жуткого времени становится все меньше, поэтому их воспоминания особенно важны и дороги для нас и для будущих поколений.

Воспоминания Столяровой Лилии Алексеевны

Столярова Лилия Алексеевна

Прежде чем начать писать свои детские воспоминания о войне скажу, что нет ничего страшнее войны и плена. На войне смерть подстерегает человека ежеминутно, ежечасно, а в плену человек лишен свободы, лишен права выбирать себе жизнь, живет в условиях, которые созданы для пленных.

Когда началась война, мне было пять лет. Жили мы на станции Синезерки Московско-Киевской железной дороги Брянской области. Стройных воспоминаний о тех первых днях войны у меня нет, помню только, что мы из своего дома, который стоял на окраине посёлка, переехали к своим родственникам ближе к центру и жили с ними. Нас у мамы было двое – я и старшая сестра. Отец был на фронте.

Отец, Столяров Алексей Гаврилович. 1930-е

Мой отец, Алексей Гаврилович Столяров (1901-1985) родился в с. Ревны и происходил из семьи крестьян, но в роду были плотники и столяры. Когда в 1861г. крестьян отпустили на свободу, моему деду, Гавриле Тимофеевичу, дали фамилию Столяров, как и всем мужчинам с той стороны улицы, где традиционно жили люди этой профессии. Отец одно время занимался перевозом людей из села в город Синезерки, потом стал работать продавцом. С мамой познакомился уже в 30-е годы. Когда семья выросла, отец снял целую усадьбу с домом, строением для скота, садом и огородом. В этой усадьбе я и выросла. Когда началась война, папа с первых дней ушел на фронт. Вернулся он домой с войны уже в 1946г. С 1952 г. отец с мамой и старшей сестрой переехали в поселок Навля Брянской обл.

Мама, Столярова Анастасия Эдуардовна. 1930-е

Моя мать, Анастасия Эдуардовна Столярова (1905-1989), родилась в с. Шушуево, ныне Брянской обл. Происходила она из семьи служащих. Отец ее, Густав Адольфович Бантле

(?-1916), был польским дворянином и служил управляющим при Великом князе Константине, брате Николая II. Моя бабушка, Марфа Ивановна Кузнецова (1877 г.р.) также работала в имении Великого князя. Там ее и встретил Бантле. У бабушки от него родилось 10 детей. Зарегистрировать брак Великий князь не разрешил, и дети носили фамилию матери. Три брата мамы стали военными, прошли через ГУЛАГ, но быстро вернулись. Мужья двух старших сестер были репрессированы и расстреляны.

Начало войны у меня ассоциируется с ночными бомбёжками. Очень скоро поселок стали бомбить. Помню, как однажды бомба во время очередного налёта разорвалась недалеко от нашего дома. Казалось, что земля улетает из-под ног, было невыносимо жутко. Я в этот момент стояла возле своего дома. После взрыва в испуге ничего не соображая, убежала прочь, подальше от дома. Помню только, как мама меня догнала и взяла на руки, а я плакала.

Ночные бомбёжки врезались в память. Взрослые выводили нас из дома в кромешной тьме и вели в заросли кустов в овраг. Сидя у мамы на коленях, я видела, как летели самолеты с огнями в сторону Киева. Им никто не препятствовал. Говорили, что деревни немцы не бомбят, и мама перебралась с нами в деревню Кольцовка к своим знакомым. Жили мы с семьей хозяйки какое-то время, она нас кормила, т. к. у мамы ничего не было. У хозяйки было четверо детей. После войны мы узнали, что семья эта была расстреляна немцами, в живых осталось только два мальчика. Расстреляны за то, что отец ушел в партизаны.

В Кольцовке мы и увидели немцев. Все вышли на улицу, у всех было смутение, я это хорошо помню, так как говорили, что немцы страшные, нелюди, как звери, и вот сейчас они появятся возле наших домов на дороге! Когда появилась движущаяся моторизованная колонна возле близлежащих домов, мы увидели надвигающееся на нас что-то серое, в касках. Стало как-то жутко от того, что нам некуда спрятаться. Позже к нам пришел немецкий офицер и сказал взрослым, чтобы все разъехались по своим домам. Мы снова приехали в поселок. Но это был уже поселок, занятый немцами, здесь установился их порядок со всеми строгостями и комендантским часом. Впервые в жизни увидела повешенного человека. Заставляли сидеть и смотреть всех. Немцы говорили, что это партизан, т. е. бойтесь и не поддерживайте их. А о партизанах стали говорить уже после зимы 1942 года. Помню, как стали бомбить Брянск, а станция Синезерки находилась от Брянска всего в 40 километрах.

Мы как-то пережили суровую зиму 1941-1942 гг., а в августе 1942 года нас погрузили в обыкновенные товарные вагоны, чтобы везти в Германию. Помню, когда мама мне сказала, что нас увезут в Германию, у меня внутри что-то оборвалось, возникло чувство, как при сдаче экзаменов. Это я помню до сих пор, и даже помню место, где мама мне об этом сказала. Как ехали, я не помню, так как вагоны были закрыты и никаких впечатлений не осталось. В Минске нас несколько дней продержали под открытым небом, дети были предоставлены самим себе, а маму уводили доить коров, которых немцы везли из России в Германию. Минск был пустой, это запомнилось по тому, что очень хотелось есть, но попросить было не у кого. Дома были забиты, в садах ничего не росло, хорошо помню вишневые деревья.

Лагерь, в котором мы прожили с конца 1942 года до веселого мая 1945 года, был трудовым, не концентрационным. Жили в нем только женщины с малолетними детьми. Находился лагерь на окраине города Шонберга, это в Западной Германии. Лагерь был обнесен колючей проволокой. За лагерем начиналось чем-то засеянное поле. Все женщины трудились на тяжелых работах на железной дороге. Помню, как очень рано их строили в колонну, перед нами ходил комендант лагеря и, ругаясь по-немецки (я уже знала это ругательство, оно по-русски переводится как: «будьте вы прокляты русские свиньи», и «русские – говно»), что-то через переводчика говорил им. Я это запомнила потому, что колонна строилась перед нашим баракком, и я из окна осторожно наблюдала, глядя в сплошную темноту.

Выходить на улицу было нельзя, да и страшно. Оставались дети одни весь день, мама приезжала поздно вечером. Так и виделись с ней рано утром и поздно вечером. Ждать ее было

приятно, мама была моим единственным утешением и моим счастьем. Поэтому я хочу пожелать, чтобы мамы, имея маленьких детей, никогда не расставались с ними, потому что без матери маленький ребенок несчастен, незащищен и одинок. Нас из лагеря первые два года не отпускали, сидели мы зимой в бараках, а летом могли играть возле барака, но все время помнили, что за нами наблюдает строгий и страшный комендант, одетый в форму СС. Время от времени он выходил из своего строения с широкими стеклянными окнами в сопровождении переводчицы и собаки, проходил по лагерю.

Кормили нас в столовой, за обедом ходили по звонкому удару в рельс. Кормили баландой из тертой нечищенной картошки, заправленной мукой. Баланда была синеватого цвета. Я очень долго не могла без тошноты есть эту еду, так как еще в России однажды увидела мертвого новорожденного ребенка. Мы его нашли завернутого в пеленки, присыпанного землей, после того как уехала довольно большая группа женщин, которых угоняли в Германию, и они отдыхали за колючей проволокой недалеко от нашего дома. Говорили, что их гнали на верную смерть, так как деревня их имела связь с партизанами. Таких групп, состоящих из одних женщин и детей, через наш поселок проходило две. Не допускалось никакой связи с ними. Было страшно за них, но сделать ничего было нельзя.

Чем еще кормили не запомнилось, но по воскресеньям наши матери не работали, нас всех кормили в столовой, то есть мы не несли баланду в барак, а садились за стол и нам давали гуляш, наверно с картошкой, уже не помню. Хлеб был с опилками, так говорили взрослые, но мне он, наверно, нравился. Все мы после войны были дистрофиками третьей степени. Я об этом знала, и всегда старалась съесть определенную порцию и больше не есть, а то могла съесть много пищи и все равно чувствовала голод. К счастью, с годами организм восстановился.

Два раза на территорию лагеря привозили кучу одежды и обуви. Разрешали что-то выбрать для себя. Перевозчики говорили: немецкий народ делится с вами своей одеждой и обувью! Вначале люди верили и удивлялись, что немцы помогают пленным, но потом стали доходить слухи, что это одежда и обувь людей, которых уже не было в живых.

Детей, которым исполнялось 10 лет, увозили к бауру (помещику) на сельскохозяйственные работы. Сестра моя тоже в скором времени уже с нами не жила. Приезжала иногда и, помню, привозила с собой стопку бутербродов, но уже заплесневелых. Собирала для нас с мамой, а хранить было негде. В нашем бараке жило пять семей, было шесть детей. Потом осталась только я одна, а всех забрали работать к помещику. Когда дети приезжали повидаться с родителями, они привозили какие-то сведения о положении на фронте. Я так думаю потому, что взрослые что-то говорили об этом. Комендант пристально следил за тем, чтобы мы были лишены всякой информации о положении на фронте. В барак приносили газету, где говорили, что от нас наше правительство отказалось, нас ждет неминуемая расправа, русские солдаты жестоки и всех нас перестреляют, если придут. Взрослые не верили ничему, и нам, детям, было спокойнее. Говорили обо всем очень тихо, мама говорила только на ухо. От взрослых детей я слышала и запомнила некоторые песни, которые я потом узнала, вернее, услышала их мелодию, уже в России. Слова этих песен были совсем другие, например слова к песне «Солдатский вальс» в исполнении Утесова были такие:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.